

Андрей Платонов

Сокровенный человек

ФТМ

Андрей Платонов

Сокровенный человек

«ФТМ»

1928

Платонов А. П.

Сокровенный человек / А. П. Платонов — «ФТМ», 1928

«Фома Пухов не одарен чувствительностью: он на гробе жены вареную колбасу резал, проголодавшись вследствие отсутствия хозяйки.— Естество свое берет! – заключил Пухов по этому вопросу...»

© Платонов А. П., 1928

© ФТМ, 1928

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Андрей Платонов

Сокровенный человек¹

I

Фома Пухов не одарен чувствительностью: он на гробе жены вареную колбасу резал, проголодавшись вследствие отсутствия хозяйки.

– Естество свое берет! – заключил Пухов по этому вопросу.

После погребения жены Пухов лег спать, потому что сильно исхлопотался и намаялся. Проснувшись, он захотел квасу, но квас весь вышел за время болезни жены – и нет теперь заботчика о продовольствии. Тогда Пухов закурил – для ликвидации жажды. Не успел он докурить, а уж к нему кто-то громко постучал беспрекословной рукой.

– Кто? – крикнул Пухов, разваливая тело для последнего потягивания. – Погоревать не дадут, сволочи!

Однако дверь отворил: может, с делом человек пришел.

Вошел сторож из конторы начальника дистанции.

– Фома Егорыч – путевка! Распишитесь в графе! Опять метет – поезда станут!

Расписавшись, Фома Егорыч поглядел в окно: действительно начиналась метель, и ветер уже посвистывал над печной выюшкой. Сторож ушел, а Фома Егорыч загоревал, подслушивая свирепеющую выюгу, – и от скуки, и от бесприютности без жены.

– Все совершается по законам природы! – удостоверил он самому себе и немного успокоился.

Но выюга жутко развертывалась над самой головой Пухова, в печной трубе, и оттого хотелось бы иметь рядом с собой что-нибудь такое, не говоря про жену, но хотя бы живность какую.

По путевке на вокзале надлежало быть в шестнадцать часов, а сейчас часов двенадцать – еще можно поспать, что и было сделано Фомой Егорычем, не обращая внимания на пение выюги над выюшкой.

Разомлев и распарившись, Пухов насилу проснулся. Нечаянно он крикнул, по старому сознанию:

– Глаша! – жену позвал; но деревянный домик претерпевал удары снежного воздуха и весь пищал. Две комнаты стояли совсем порожними, и никто не внял словам Фомы Егорыча. А бывало, сейчас же отзовется участливая жена:

– Тебе чего, Фомушка?

– А ничего, – ответит, бывало, Фома Егорыч, – это я так позвал: цела ли ты!

А теперь никакого ответа и участия: вот они, законы природы!

– Дать бы моей старухе капитальный ремонт – жива бы была, но средств нету и харчи плохие! – сказал себе Пухов, шнуруя австрийские башмаки.

– Хоть бы автомат выдумали какой-нибудь: до чего мне трудящимся быть надоело! – рассуждал Фома Егорович, упаковывая в мешок пищу: хлеб и пшено.

На дворе его встретил удар снега в лицо и шум бури.

– Гада бестолковая! – вслух и навстречу движущемуся пространству сказал Пухов, именую всю природу.

Проходя безлюдной привокзальной слободой, Пухов раздраженно бурчал – не от злобы, а от грусти и еще отчего-то, но ничего он вслух не сказал.

На вокзале уже стоял под парами тяжелый, мощный паровоз с прицепленным к нему вагоном – снегоочистителем. На снегоочистителе было написано: «Система инженера Э. Бурковского».

«Кто этот Бурковский, где он сейчас и жив ли? Кто ж его знает!» – с грустью подумал Пухов и отчего-то сразу ему захотелось увидеть этого Бурковского.

К Пухову подошел начальник дистанции:

– Читай, Пухов, расписывайся, и – поехали! – и подал приказ:

«Приказывается правый путь от Козлова до Лисок держать непрерывно чистым от снега, для чего пустить в безостановочную работу все исправные снегоочистители. После удовлетворения воинских поездов все паровозы поставить для тяги снегоочистителей. В экстренных случаях снимать для той же тяги дежурные станционные паровозы. При сильных метелях – впереди каждого воинского состава должен неотлучно работать снегоочиститель, дабы ни на минуту не было прекращено движение и не ослаблена боеспособность Красной Армии.

Пред. Глав. Рев. Комитета Ю.-В. ж. д. Рудин.

Комиссар Путей Сообщения Ю.-В. ж. д. Дубинин».

Пухов расписался – в те годы попробуй не распишись!

– Опять неделю не спать! – сказал машинист паровоза, тоже расписавшись.

– Опять! – сказал Пухов, чувствуя странное удовольствие от предстоящего трудного беспокойства: вся жизнь как-то незаметней и шибче идет.

Начальник дистанции, инженер и гордый человек, терпеливо слушал метель и смотрел поверх паровоза какими-то отвлеченными глазами. Его раза два ставили к стенке, он быстро поседел и всему подчинился – без жалобы и без упрека. Но зато навсегда замолчал и говорил только распоряжения.

Вышел дежурный по станции, вручил начальнику дистанции путевку и пожелал доброго пути.

– До Графской остановки нет! – сказал начальник дистанции машинисту. – Сорок верст! Хватит ли воды у вас, если топку придется все время форсировать?

– Хватит, – ответил машинист. – Воды много – всю не выпарим!

Тогда начальник дистанции и Пухов вошли в снегоочиститель. Там уже лежали восемь рабочих и докрасна калили чугунок казенными дровами, распахнув для свежего воздуха окно.

– Опять навоняли, дьяволы! – почувствовал и догадался Пухов. – А ведь только что пришли и харчей жирных, должно, не едали! Эх, идолы!

Начальник дистанции сел на круглый стул у выпуклого окна, откуда он управлял всей работой паровоза и снегоочистителя, а Пухов стал у балансира.

Рабочие тоже встали у своих мест, у больших рукояток, посредством которых по балансиру быстро перекидывался груз – и балансир то поднимал, то опускал снегосбросный щит.

Метель выла упорно и ровно, запасшись огромным напряжением где-то в степях юго-востока.

В вагоне было не чисто, но тепло и как-то укромно. Крыша вокзала гремела железами, отстегнутыми ветром, а иногда этот скрежет железа перемежался с далеким артиллерийским залпом.

Фронт работал в шестидесяти верстах. Белые все время прижимались к железнодорожной линии, ища уюта в вагонах и станционных зданиях, утомившись в снежной степи на худых конях. Но белых отжимали бронированные поезда красных, посыпая снега свинцом из изношенных пулеметов. По ночам – молча, без огней, тихим ходом – проходили броневые поезда, просматривая темные пространства и пробуя паровозом целость пути. Ночью ничего

не известно; помашет издали поезду низкое степное дерево – и его порежут и снесут пулеметным огнем: зря не шевелись!

– Готово? – спросил начальник дистанции и посмотрел на Пухова.

– Готово! – ответил Пухов и взял в обе руки рычаги.

Начальник дистанции потянул веревку к паровозу – тот запел, как нежный пароход, и грубо дернул снегоочиститель.

Выскочив со станционных путей, начальник дистанции одной рукой резко и коротко дернул за веревку паровозного свистка, а другой махнул Пухову. Это означало: работа!

Паровоз крикнул, машинист открыл весь пар, а Пухов передвинул оба рычага, опуская щит с ножами и развертывая крылья.

Сейчас же снегоочиститель сдал скорость и начал увязать в снегу, прилипая к рельсам, как к магнитам.

Начальник дистанции еще раз дернул веревку на паровоз, что означало – усилить тягу! Но паровоз весь дрожал от перенапряжения и сифонил так, что из трубы жар вылетал. Колеса его впустую ворочались в снегу, как в крутой почве, подшипники грелись от частых оборотов и плохого масла, а кочегар весь взмок от работы с топкой, несмотря на то что выбегал за дровами на тендер, где его прохватывал двадцатиградусный ветер.

Снегоочиститель и паровоз попали в глубокий снежный перевал. Один начальник дистанции молчал – ему было все равно. Остальные люди на паровозе и на снегоочистителе грубо выражались на каком-то самодельном языке, сразу обнажая душевные мысли.

– Пару мало! Прошуруй топку и просифонь, чтоб баланец² загремел – тогда возьмем!

– Закуривай! – крикнул рабочим Пухов, догадавшись о том, что делается на паровозе.

Начальник дистанции тоже вынул кисет и насыпал в кусочек газеты зеленой самогонной махорки.

К метели давно притерпелись и забыли про нее, как про нормальный воздух. Покурив, Пухов вылез из вагона и здесь только обнаружил гром бури, злобу холода и пальбу сухого снега.

– Вот сволота! – сказал Пухов, еле управляясь с тем, с чем ему нужно было управиться.

Вдруг, бешено заревел баланс паровоза, спуская лишний пар. Пухов вскочил в вагон – и паровоз сейчас же и разом выхватил снегоочиститель из снежного бугра, пробуксовав колесами так, что огонь посыпался из рельс. Пухов даже увидел, как хлестнула вода из паровозной трубы от слишком большого открытия пара, и оценил машиниста за отвагу:

– Хорош парень у нас на паровозе!

– А? – спросил старший рабочий Шугаев.

– Чего «а»? – ответил Пухов. – Чего акаешь-то? Горе кругом, а ты разговариваешь!

Шугаев поэтому замолчал.

Паровоз прогудел два раза, а начальник дистанции крикнул:

– Закрой работу!

Пухов рванул рычаг и поднял щит.

Подъезжали к переезду, где лежали контррельсы. Такие места проезжали без работы: щит снегоочистителя резал снег ниже головки рельса и не мог работать, когда у рельса что-нибудь находилось, – тогда снегоочиститель опрокинулся бы.

Проехав переезд, снегоочиститель понесся открытой степью. Укрытый снегом, лежал искусный железный путь. Пухов всегда удивлялся пространству. Оно его успокаивало в страдании и увеличивало радость, если ее имелось немного.

Так и теперь – поглядел в запущенное окно Пухов: ничего не видно, а приятно.

---

² Баланс – автоматический предохранитель от излишнего давления пара в котле.

Снегоочиститель, имея жесткие рессоры, гремел, как телега по корчагам, и, ухватывая снег, тучей пушил его на правый откос пути, трепеща выкинутым крылом; это крыло назначено было швырять снег на сторону – то оно и делало.

В Графской сделали значительную стоянку. Паровоз брал воду, помощник машиниста чистил дымовую коробку, топку и прочее огневое хозяйство.

Обмерзший машинист ничего не делал, а только ругался на эту жизнь. Из штаба какого-то матросского отряда, стоявшего в Графской, ему принесли спирту, и Пухов тоже прошел в долю, а начальник дистанции отказался.

– Пей, инженер, – предложил ему главный матрос.

– Благодарю покорно. Я ничего не пью, – уклонился инженер.

– Ну, как хочешь! – сказал матрос. – А то выпей – согреешься! Хочешь, рыбы принесу – покушаешь?

Инженер опять отказался по неизвестной причине.

– Эх ты, тина! – сказал тогда оскорбленный матрос. – Ведь тебе с душой дают – нам же не жалко, – а ты не берешь! Поешь, пожалуйста!

Машинист и Пухов пили и жевали все напролом, улыбаясь насчет начальника.

– Отстань ты от него! – обрубил другой матрос. – Он есть хочет, но идея его не велит!

Начальник дистанции смолчал. Есть он действительно не хотел. Месяц назад он вернулся из командировки – из-под Царицына, где сдавал восстановленный мост. Вчера он получил депешу, что мост просел под воинским поездом: клепка моста шла наспех, неквалифицированные рабочие ставили заклепки на живую нитку, и теперь фермы моста расшились – от одного чувства веса мало-мальски грузного поезда.

Два дня назад началось следствие по делу моста, и дома у начальника дистанции лежала повестка от следователя железнодорожного Ревтрибунала. Назначенный в экстренную поездку, инженер не мог пойти в Ревтрибунал, но помнил об этом. Поэтому ему не пилося и не елось. Но страха он тоже не имел, терзаясь сплошным равнодушием; равнодушие, он чувствовал, может быть страшнее боязливости – оно выпаривает из человека душу, как воду медленный огонь, и когда очнешься – останется от сердца одно сухое место; тогда человека хоть ежедневно к стенке ставь – он покурить не попросит: последнее удовольствие казнимого.

– Теперь куда поедете? – спросил у Пухова главный матрос.

– Должно, на Гязи!

– Верно: под Усманью два эшелона и броневик в сугробах застряли! – вспомнил матрос. – Казаки, говорят, Давыдовку взяли, а снаряды за Козловом в заносах стоят!

– Расчистим, сталь режем, а снег – вещество чепуховое! – уверенно определил Пухов, спешно допивая последние капли спирта, чтобы ничто не пропадало в такое время.

Тронулись на Гязи. Пассажиром напросился старичок – будто бы ехал от сына с Лисок, – а кто ж его знает!

Поехали. Загремел балансир – кидая щит то вниз, то вверх, – и забурчали рабочие, которым не досталось матросской жирной рыбы.

– Яблоч бы моченых я теперь поел! – сказал на полном ходу снегоочистителя Пухов. – Ух, и поел бы – ведро бы съел!

– А я бы сельдь покушал! – ответил ему старичок пассажир. – Люди говорят, что в Астрахани сельди той миллионы пудов гниют, только маршрутов туда нету!..

– Тебя посадили, ты и молчи сиди! – строго предупредил Пухов. – Сельдь бы он покушал! Будто без него съесть ее некому!

– А я, – встрял в разговор помощник Пухова, слесарь Зворычный, – на свадьбе в Усмани был, так полного петуха съел – жирен был, дьявол!

– А сколько петухов-то было на столе? – спросил Пухов, чувствуя на вкус того петуха.

- Один и был – откуда теперь петухи?
- Что ж, тебя не выгнали со свадьбы? – допытывался Пухов, желая, чтоб его выгнали.
- Нет, я сам рано ушел. Вылез из стола, будто на двор захотел, – мужики часто ходят, – и ушел.
- А тебе, старик, не пора слезать – деревня твоя не видна еще? – спросил Пухов пассажира. – Гляди, а то разбалакаешься – проскочишь!
- Старик подскочил к окну, подышал на стекло и потер его.
- Места будто знакомые пошли – будто Хамовские выселки торчат на юру!
- Раз Хамовские выселки – тебе к месту! – сказал сведущий Пухов. – Слезай, пока на подъем прем!
- Старик почухался с мешком и покорно возразил:
- Машина ходко бежит, аж воздух журчит – жутко убиваться, господин машинист! Может, окоротить позвольте на одну минуту – я враз.
- Обдумал! – осерчал Пухов. – Окоротить ему казенную машину в военное время! Теперь до самых Грязей остановки не будет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.